

Павел Лемберский

Де Кунинг

Незадолго до развода с Вероникой Сергеевной Петр Андреевич с головой ушел в свои абстракции: наловчился стрелять по баночкам с гуашью, каковые баночки расставлял на равных расстояниях друг от друга перед холстом, приклепленным к стене гаража на два автомобиля, темно-вишневый BMW супруги и собственный неопределенного цвета Capri. Баночки разлетались в разные стороны, краска разбрызгивалась по холсту, образуя всевозможные абстрактные фигуры: перистые облака в виде всадников, похищающих тучных сабиянок; виноградные лозы, смахивающие на тонконогих твистующих модниц; фижмы кизилового цвета, от которого рябило в глазах. Петр Андреевич и раньше любил визуальные искусства, и даже немного лепил по выходным, но перспектива существования без супруги заставила его всерьез взяться за кисть, точнее, за ружье, чтобы по-новому осмыслить, что же на самом деле есть искусство, а что жизнь. Жена как модель, как объект желания, лишенный третьего измерения, но с авоськами и в бигуди, абстрактная жена à la де Кунинг, неулыбчивая и редко дающая, стала довлеть над всеми его помыслами. После стрельбы Петр Андреевич относил холсты в сарай, где тщательно, иногда неделями дорабатывал их, привнося элемент дизайнера, а стало быть, и смысла, в априорно хаотические продукты акционизма, которые он то ли в шутку, то ли всерьез стал именовать арт-артом (или артиллерийским искусством).

Вероника Сергеевна давно намеревалась бросить курить. От плебейского «Парламента» хотела было перейти на ментоловый «Данхилл», но ее близкая подруга, преподавательница йоги

Кимберли Болик, сообщила ей однажды за фраппуччино, что ментол еще более вреден для здоровья, чем обычные сигареты, и вот тогда-то полнощекая и зубастая Вероника Сергеевна решительно затушила последнюю сигарету в чахлом садике при «Старбаксе», поскольку так себе пообещала годом ранее во время пятиминутного приступа кашля в салоне красоты, где работала менеджером. Она разлюбила мужа прошлой осенью и так и сказала ему об этом. Я тебя не люблю, сказала она Петру Андреевичу с брутальной откровенностью. Тот пал духом, но виду не подал, отшутился. Достал из холодильника запотевшую бутылку Carlsberg'a, сделал два больших глотка, потом пошел по банкам стрелять. Это была для него своего рода арт-арт-терапия.

И вот тут в ожидании более мощного электронного микроскопа появляется в повествовании некий профессор иммунологии, из немцев. Откуда он взялся (Вупперталь?) и как оказался в наших широтах («Люфтганза»?) не помнит никто, но на именины к себе он зазвал всех, хотел со всеми сойтись покороче, чтобы и его все к себе приглашали. Он чувствует необычайный прилив сил на новом месте и раскачивается на каучуковых своих подошвах, приветливо улыбаясь гостям и насвистывая арию Росины из «Севильского цирюльника», а мы стоим с Клер в углу, как бедные родственники, и не знаем, можно еще вина или нет, можно тостиков с гусиным паштетом или неловко это, можно пригласить жену немца на танец и кружиться с ней по гостиной, а после, взяв под руку, говорить двусмысленности, пока внизу пытаются этого «австро-венгра», бьют его по заросшему щетиной лицу (тапками, но все равно больно), а Петр Андреевич рассказывает зевающему в кулак брату виновника о том, как Рональд Рейган ему часы в свое время пожаловал за то, что он спас жизнь президенту, когда в секретной службе в отделе баллистики стажировался, а Вероника Сергеевна с мамой жили в Джорджтауне, где и свели знакомство, и он спросил ее на первом свидании, скажите, кто ваш любимый режиссер, только честно, а она смутилась, но нашлась: Билли Уальдер, говорит. Но ранний.

Не так ли и пожилые рассказывают о своей жизни молодым, думая, что молодым это интересно, а молодым это неинтересно? Не так ли и вы им о себе, думая, что это о жизни и потому о них тоже, и им это интересно, а это о вас, и никому и даром не нужно?

Они кивают, но каждый кивок их – скрытый зевок, не обольщайтесь на этот счет, прошу вас. Ваша жизнь прошла, и не нужна никому, и не потому лишь, что место было другое и нет его, но и потому, что время было другое, и тоже нет его. Место изменилось, а время прошло. А вы как функция и того, и другого тоже отсутствуете, точнее, другие, и не нужны ни здесь, ни сейчас. Тем более что то, в чем вы пришли, давно не носит никто. И воротнички сейчас другого фасона, и цвет другой: ярче или вообще салатový. И вторые подбородки младше тридцати пяти не носят, и мешки под глазами в стиле ретро. И грусть, и усталость, и разочарование.

Она симпатичная, эта немка.

На следующий викенд договорились у Петра Андреевича. Он снова будет показывать часы, которые ему пожаловал Рейган, он всегда их показывает. А Вероника Сергеевна бросила курить и на нервной почве настаивает, чтобы ее прижимали в танце. Я готов, но только с Петра Андреевича любезного разрешения. Дело принципа. Потом абстракции пошли.

На полотне фонтан, в фонтане рыбки, на скамейке женщина с коляской, «И один в поле воин» читает, это про разведчика книга. Надо же: стрелял Петр Андреевич по баночкам и наобум, а настрелял маму с книгой, меня настрелял шестимесячного, городской сад с фонтаном, велосипедистку в черном. Или это мальчик на самокате с вытекшим глазом шустрит, не разобрать, но красиво все и жизненно очень.

Негодяй бьет свою венгерку-жену и приговаривает: «От так! От так вот! От так вот это вот!». И как таких земля носит на своей зеленой сутулой спине? И куда смотрят соседи в телевизор?

Девушка с букетом принарядилась, ждет жениха. Притопал хромой чертяка какой-то, долго не отпирала, но засахарилась и воленс-ноленс села к нему на хвост. Он в бумажный стаканчик пискнул только.

Петр Андреевич в шуточной форме принимает комплименты. Иммунологу работы нравятся, Клер тоже. Хотя тут ее склонность не обижать людей скорее сказывается. Отношение Клер к абстрактной живописи я знаю. Что высралось, то и абстракция, заключила она после недавней экспозиции Макса Уолленштайна в Вашингтоне. Тихо, чтобы никто не услышал, заключила.

Теперь так. Давно стало общим местом подтрунивать над современным искусством, лить воду на мельницу апологетам мимеса и катарсиса, вяло и беспомощно злословить по поводу молниеносного взлета хорватского перформансиста, имя выскочило, ну, усатого этого, того, что на Гималаях целый месяц в мегафон против глобализации чихал. А жизнь не стоит на месте. Если еще вчера можно было бездоказательно проводить параллели между удовольствием от скульптур Дж. Кунса начала 90-х и удовольствием Дж. Кунса от его итальянской супруги Чиччолины, то сегодня эти ласковые: fuck that cock! fuck that cock baby! настоятельно требуют более вдумчивого подхода. «Медведь и полицейский», о чем это? О детерриториализации? О сумме прописью? Да, смешно. И всё? «Мартышка и очки» на Патриарших тоже смешно, но внятно, и мораль есть.

Но где же хозяйка? Вероника Сергеевна что-то показывает брату профессора в гараже, уже минут двадцать показывает. Неужели она не выдержала, и они там курят вдвоем? Брат профессора, совсем еще молодой, неискушенный в житейских вопросах человек, часто краснеет, когда к нему обращаются дамы. Кажется, ему нравится Клер. Он здесь третий год, учится на офтальмолога. Это он задержал «австро-венгра» при попытке перейти границу, причем совершенно случайно.

Сравнивают землю без урожая с женщиной, оставленной мужем. А с чем сравнить мужчину, оставленного женщиной? С урожаем без земли? Но откуда ему взяться – без земли?

Исчезают люди. Одних находят, других и не ищут. Еще людей крадет время. Вот она молодая-привлекательная, а вот у нее уже седые волосы в самых неожиданных местах.

Черт в белом трико разгуливает по веранде, всем сулит вечную молодость. Один дурак клюнул. Второй дурак клюнул. Третий не дурак вроде, а ведь тоже клюнул. Сейчас грустит: все друзья померли, позвонить не к кому.

И еще: двое навеселе, останавливаются, один другому: «Знаешь, что самое главное? Самое главное...» – и идут себе дальше. А я стою, но что самое главное – не слышу. Не идти же за ними.